
Системный подход и описание социальности современности как условие проектирования посткультуры*

© 2021 г. В.М. Розин

*Институт философии РАН,
Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.*

E-mail: Rozinvm@gmail.com

Поступила 07.03.2020

В статье обсуждаются условия проектирования социальности в процессах перехода к новым культурам, в том числе конкретно процесса перехода к посткультуре. Автор показывает, что, начиная с И. Канта, одним из таких условий выступает системный подход. В связи с этим автор анализирует особенности системного подхода и показывает, что последний содержит системные понятия (целое, системность, связи, обусловленность, синтез и анализ и др.), а также особую методологию конструирования реальности. По логике эта методология близка к логике современного проектирования, в частности основывается на приоритете синтеза над анализом, предполагает согласование всех построений, требует различать три уровня изучаемого или создаваемого объекта – целое, средний уровень и нижний, как правило, относящийся к индивидуальной деятельности. Затем обсуждается реализация в истории системного подхода относительно социальности: для протосистемных социальных построений Средних веков и системных социальных построений Нового времени. Характеризуется ситуация перехода к посткультуре и особенности социальности современности. В последней автор различает два процесса – кризис и экспансия социальных структур модерна и становление новых форм социальности (сетевых сообществ, метакultur, сближение социалистических и капиталистических форм производства и управления, становление новой этики и др.). В последней части вводится схема системного описания социальности посткультуры. Автор делает вывод, что системный подход для проекта социальности посткультуры должен опираться на описание социальности в языке социальных наук и предполагает выбор гуманитарного варианта системного подхода.

Ключевые слова: социальность, системный подход, проект, изучение, конституирование, последствия, условия, пандемия, кризис, переход, посткультура.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-1-27-36

Цитирование: *Розин В.М.* Системный подход и описание социальности современности как условие проектирования посткультуры // Вопросы философии. 2021. № 1. С. 27–36.

* Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ (проект «Новейшие тенденции развития наук о человеке и обществе в контексте процесса цифровизации и новых социальных проблем и угроз: междисциплинарный подход», соглашение № 075–15–2020–798).

A Systematic Approach and Description of the Sociality of Our Time As a Condition for Designing a Postculture*

© 2021 Vadim M. Rosin

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.*

E-mail: Rozinvm@gmail.com

Received 07.03.2020

The article discusses the conditions for designing sociality in the processes of transition to new cultures, including specifically the process of transition to post-culture. The author shows that, starting with I. Kant, one of such conditions is a systematic approach. In this regard, he analyzes the features of the systematic approach and shows that the latter contains systemic concepts (whole, systemicity, connections, conditionality, synthesis and analysis, etc.), as well as a special methodology for constructing reality. Logically, this methodology is close to the logic of modern design, in particular, it is based on the priority of synthesis over analysis, involves the coordination of all constructions, requires distinguishing between three levels of the object being studied or created – the whole, the middle level and the lower one, usually related to individual activity. Then, the implementation in history of a systematic approach to sociality is discussed: for protosystem social structures of the Middle Ages and system social structures of the New Age. The situation of the transition to post-culture and the features of the sociality of our time are characterized. In the latter, the author distinguishes between two processes – the crisis and the expansion of social structures of modernity and the formation of new forms of sociality (network communities, metacultures, the convergence of socialist and capitalist forms of production and management, the formation of a new ethics, etc.). The last part introduces a scheme for a systematic description of the sociality of postculture. The author concludes that the systematic approach to the project of post-culture sociality should be based on the description of sociality in the language of social sciences and involves the choice of a humanitarian version of the systemic approach.

Keywords: sociality, systematic approach, project, study, constitution, consequences, conditions, pandemic, crisis, transition, postculture.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-1-27-36

Citation: Rozin, Vadim M. (2021) “A Systematic Approach and Description of the Sociality of Our Time As a Condition for Designing a Postculture”, *Voprosy filosofii*, Vol. 1 (2021), pp. 27–36.

Пандемия коронавируса обсуждается не только политиками и врачами, но и философами и учеными. Последние пытаются понять причины пандемии и спрогнозировать, что будет после нее, какой мир. Я же как культуролог, утверждающий, что в настоящее время имеет место переход от модерна к посткультуре, спросил бы, каким образом пандемия скажется на этом переходе, не ускорит ли она его? Среди разных

* The study was carried out with the financial support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project “Latest Trends in the Development of the Sciences of Man and Society in the context of the digitalization process and new social problems and threats: an interdisciplinary approach”, agreement No. 075–15–2020–798).

объяснений причин современной пандемии я бы отметил два противоположных – конспирологическое объяснение и почти естественнонаучное (пандемия как ответ природы на развитие нашей социальности). Примером первого может служить выступление известного математика Г. Малинецкого. «На мой взгляд, – говорит он, – коронавирус является скорее либо поводом, либо дымовой завесой, но никак не причиной того, что происходит... должен возникнуть новый мировой порядок. Как он появится? Раньше, когда противоречия достигали такой остроты, все кончалось мировой войной. Сейчас, как я понимаю, впервые сделана попытка разобраться на уровне элит и договориться. То есть элиты решили, отодвинув и не вовлекая в это ни общество, ни прессу, ни бизнес, договориться между собой. Но для того, чтобы подобное сделать, всех остальных надо отвлечь чем-то. Коронавирус оказался очень подходящей дымовой завесой, и, конечно, они этим воспользовались... Возьмем азиатский грипп 1956–1958 гг. – погибли более 2 миллионов человек. При гонконгском гриппе 1968–1969 гг. погиб миллион человек, то есть примерно 15 процентов населения Гонконга. Но и мысли о самоизоляции, о том, что нужно рушить огромные сектора экономики, не возникало... Доктор Рошаль в одном из первых интервью по данной теме заметил: то, что происходит, – это прекрасная репетиция бактериологической войны. Замечу, именно репетиция... Один процент, который живет в другой реальности, полагает, что все равно будет защищен от всего, которому закон не писан. И этот Один процент руководит всеми остальными» [Малинецкий 2020]. Когда же пандемию объясняют распространением вирусов, перешедших от животных к человеку и дальше мутирующих в человеческой популяции, то это второй тип объяснения. К нему относится и социогуманитарная версия автора, утверждающего, что современную пандемию можно рассматривать как ответ природы на характер развития современной цивилизации и культуры модерна [Розин 2020]. При этом я считаю, что действуют два типа вирусов – биологические, например, коронавирус или грипп, и семиотические (идеология, реклама, слухи, мода, информация и пр.); кстати, и конспирологические теории, судя по тому, какой популярностью они сегодня пользуются, можно отнести к семиотическим вирусам. И пусть не прямо, а опосредованно от семиотических вирусов гибнет не меньше людей, чем от биологических.

Да, сегодня люди болеют и умирают от коронавируса, но его быстрое распространение объясняется колоссально возросшими перемещениями и контактами (туризм, праздники, совместный отдых, деловые встречи), которые, в конечном счете, обусловлены семиотическими вирусами. Впрочем, кризис модерна не сводится только к заболеваниям и смертям от вирусов, он обусловлен также развитием технологий, конкуренцией, процессами глобализации, кризисом социальных институтов. Все это вместе привело к тому, что нагрузка на природу многократно возросла, и природа отвечает пандемиями, техногенными катастрофами, разрушением естественно сложившейся экологии и самого человека. «Возможно, – пишет словенский философ Славој Жижек, – это самое тревожное, что мы можем узнать благодаря текущей эпидемии: когда природа атакует нас вирусами, она в каком-то смысле возвращает нам наш собственный месседж. Месседж, заключающийся в том, что то, что вы сделали со мной, я сейчас делаю с вами» [Жижек 2020].

Прогнозы, касающиеся мира после пандемии, тоже противоположны. Одни считают, что мир уже не вернется к предыдущему состоянию, поскольку кардинально изменится. Так, например, думает итальянский философ Джорджо Агамбен. Он считает, что «эпидемия, как и любое глобальное бедствие, оставит после себя новые изобретения, которые будут крайне негативно влиять на жизнь людей. По аналогии с войной, наследием которой стали атомные электростанции и колючая проволока, последствиями пандемии станет ограничение пространства, вынужденное скудное существование в виртуальной реальности... именно этот сценарий наиболее выгоден для властей: благодаря запрету на социальное и культурное взаимодействие разговоры и споры о политике, наконец, утихнут. Людьюми станет управлять проще, чем когда-либо» [Агамбен 2020].

Другие участники дискуссии, к которым относится и автор, уверены, что пока ничего кардинально не изменится. Я так считаю, в частности, потому, что человечество

по-настоящему не осознано стоящие перед ним проблемы и вызовы времени, продолжает придерживаться тех же самых представлений (картин мира и сценариев), которые завели его в тупик.

Однако подлинные задачи философии и науки не столько прогнозы, сколько схемы и знания, описывающие социальную и биологическую реальность, позволяющие на основе этого описания практически действовать как в отношении самого себя, так и социального порядка. В первом случае социальное действие во многом сводится к самосовершенствованию личности, во втором к проектированию и программированию (не только компьютерному, но и «методологическому» [Розин 2018, 114–118]). Для автора (и думаю, не только для него) принципиальный вопрос, *что собой представляет проектирование социального порядка (социальности)*. Дальше я попробую, пока только в рамках методологии, ответить на этот вопрос.

Системный подход И. Канта как условие проектирования органа метафизики в работе «Критика чистого разума»

Когда перед Кантом встала задача построения «здания» метафизики (последнюю он понимал как философию и теорию познания), Кант в поисках методологии обратился к работе Э. Кондильяка «Трактат о системах». Для Кондильяка система представляет собой построенные ученым принципы и основанные на них знания, описывающие природу. Под принципами он понимал положения, на которые опираются все остальные суждения определенной системы, а также первопричины и «начала», то есть уже онтологическое начало. Кондильяк настаивает, что число принципов должно быть минимальным, в идеале одно [Кондильяк 1935]. Заданная здесь оппозиция – *система как организованное научное знание и система как объект этого знания* – проходит затем через все системные концепции.

Из этого исследования Кант взял саму идею построения метафизики как системы, понимая последнюю не онтологически, а как особую методологию. Системная методология, по Канту, включала, во-первых, особый язык – «целое», «части», «синтез и анализ», «систематичность», «связи», «обусловленность». Во-вторых, Кант настаивал на приоритете целого над частями, синтеза над анализом, что вполне соответствует современной логике проектирования, предполагающей движение от главной функции к подчиненным, обслуживающим, от общих решений к конкретным. В-третьих, такое требование означало необходимость согласования между собой всех построений на каждом уровне и между уровнями. Судя по «Критике чистого разума», Кант в здании метафизики различает три основных уровня: верхний, *целое* – разум как регулятивный принцип божества, как царство идей; средний уровень – с одной стороны, разум, управляющий рассудком, а также область категорий и понятий, с другой стороны, природа как конструируемая рассудком с помощью категорий; наконец, нижний уровень – трансцендентальный субъект, познающий чувственное многообразие мира с помощью понятий и схем.

Вот высказывание Канта относительно целого и приоритета синтеза над анализом. «Рассматривая все наши рассудочные знания во всем их объеме, – пишет Кант, – мы находим, что то, чем разум совершенно особо располагает и что он стремится осуществить, – это *систематичность* познания, то есть *связь знаний* согласно одному принципу. Это *единство разума* всегда предполагает идею, а именно идею о форме знания как *целого*, которое *предшествует определенной знанию частей* и содержит в себе условия для априорного места всякой части и отношения ее к другим частям» [Кант 1964, 353–354]. «Наши представления должны быть уже даны раньше всякого анализа их, и ни одно понятие не может *по содержанию* возникнуть аналитически. Синтез многообразного (будь оно дано эмпирически или а priori) порождает прежде всего знание, которое первоначально может быть еще грубым и неясным и потому нуждается в анализе; тем не менее именно синтез есть то, что, собственно, составляет из элементов знание и объединяет их в определенное содержание» [Там же, 173].

А вот каким образом, достаточно осторожно, в «Критике чистого разума» задается целое, отождествляемое с Творцом всего: «...как если бы совокупность всех явлений (сам чувственно воспринимаемый мир) имела вне своего объема одно высшее и вседвоящее основание, а именно как бы самостоятельный, первоначальный и творческий разум, в отношении к которому мы направляем все эмпирическое применение *нашего* разума в его наибольшей широте так, как если бы сами предметы возникли из этого прообраза всякого разума» [Кант 1964, 572].

На нижнем уровне Творцу противостоит и одновременно обусловлен им трансцендентальный субъект. «В самом деле, – пишет Кант, – многообразные представления, данные в некотором созерцании, не были бы все вместе *моими* представлениями, если бы они не принадлежали все вместе одному самосознанию... иными словами, только в силу того, что я могу постигнуть многообразное [содержание] представлений в одном сознании, я называю все их *моими* представлениями; в противном случае я имел бы столь же пестрое разнообразное Я (Selbst), сколько у меня есть создаваемых мной представлений... синтетическое единство апперцепции есть высший пункт, с которым следует связывать все применение рассудка, даже всю логику и вслед за ней трансцендентальную философию; более того, эта способность и есть сам рассудок» [Там же, 192, 193].

Если, говорит Кант, идти от принципа – синтез предшествует и определяет анализ, то начинать нужно от познания абсолютного единства (Бога). Но если от того, что нам дано в опыте, то наоборот, последовательность противоположная – «от *психологии*, к *космологии* и от нее к *познанию бога*» [Там же, 366]. Фактически же построение Кантом проекта органа метафизики протекает в обоих направлениях, что тоже характерно для проектной логики (проектировщик обычно двигается от эскизов замысла и общего вида будущего объекта к более конкретным проектным решениям и от них к уточнению замысла и вида; в процессе такого челночного движения он согласовывает друг с другом и уточняет все построения).

Реализация системного подхода относительно социальности

Хотя до Кондильяка и Канта нельзя говорить о системном мышлении, можно указать на социальные конструкции, близкие по логике построения. Будем называть их «протосистемными». Подобная конструкция впервые была создана средневековыми философами и отцами христианской церкви, среди которых одним из первых, пожалуй, был св. Августин. Целое здесь задавалось идеей христианского Бога в трех лицах, что позволяло понимать его одновременно как *трансцендентальную норму* (Бог есть Отец, тайна и причина всего), как *цель и смысл жизни отдельного человека* (Бог – любовь и конечный пункт Спасения), как *посредника* («Я, – пишет Августин, – искал путь, на котором приобрел бы силу, необходимую, чтобы насладиться Тобой, и не находил его, пока не ухватился “за Посредника между Богом и людьми, за Человека Христа Иисуса”, Который есть “сущий над всем Бог, благословенный вовеки”». Он зовет и говорит: “Я есмь Путь и Истина, и Жизнь и Пища”) [Августин 1992, 95], как *непосредственную реальность* (Бог есть субстанция, все остальное или создано Им, или от Него производно).

Нижний уровень задавался идеей *нового человека – христианина*, который считался конечной целью преобразования (ветхий человек должен был переделать себя в христианина и жить по заветам Христа и Священного Писания).

Средний уровень – это Церковь и светская власть (короли, цари, императоры). Важно, что все три уровня средневековой социальности были согласованы между собой. Человек был создан по образу и подобию Бога и шел по пути христианского спасения. Отцы Церкви пропагандировали христианство и демонстрировали новый образ жизни. Короли с определенного времени не только поддерживали христианство, но и сами были сакральными фигурами. Бог со святыми поддерживали, направляли и спасали христиан.

Каким образом это социальное здание, простоявшее не одно столетие, удалось спроектировать и построить без системного подхода и языка? Ну не совсем без языка

и подхода: и тот и другой, но в форме философии и учения были разработаны Аристотелем и Плотиним. Впрочем, это отдельная большая тема.

Второй после средневекового проект, собственно модерна, создавался несколько столетий, начиная с XVI столетия. Начинаясь он с протосистемного проекта Фр. Бэкона, разрабатывался уже как системный проект Кантом, завершался социальными проектами Гоббса, А. Смита, Локка и произведениями типа книги Кондорсэ «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума». Здесь целое – это познание и овладение человеком (Человечеством) природы, построение новых наук, инженерии и промышленности как необходимого условия такого познания и овладения, построение социальности, обеспечивающей все эти работы и деятельность [Розин 2017, 148, 168; Огурцов 1993]. Нижний уровень образуется двумя социальными образованиями: во-первых, это активная и инициативная свободная личность, без которой не сложился бы рынок и государство, во-вторых, разные сообщества (например, власть и истеблишмент, служащие и чиновники, предприниматели). Средний уровень – прежде всего государство, затем общество как сила, соразмерная государству, призванная направлять и контролировать его (хотя мы знаем, что государство нередко ставит общество под свой контроль), затем другие социальные институты (право и судопроизводство, семья, школа и др.).

Ситуация перехода к посткультуре

Посткультура – это сложное состояние социальности и культуры, образованное двумя процессами. Первый, кризис и экспансия социальности и культуры модерна. Второй, становление новых форм социальности и новой культуры (но только становление, поэтому пока можно говорить только о социальных трендах). Кризис модерна был обусловлен, с одной стороны, именно реализацией указанного выше проекта, что привело к новому более сложному состоянию социальности, уже не укладывающемуся в спроектированные схемы. С другой стороны, этот кризис возник в результате изобретения новых технологий (обычных и социальных), позволивших использовать социальные институты не по назначению. Например, чиновники научились употреблять свои места для обогащения и получения своеобразной ренты (взятки, коррупция, «рентостроительство»). Некоторые властные пассионарные группы и сообщества захватывают государство как с целью обогащения, так и удержания власти. Другой пример, перехват управления властными сообществами; последние освоили социальные технологии и практики, позволяющие влиять на население и электорату нужные этим сообществам идеи и представления; в результате общество начинает работать на государство, переставая его контролировать.

Теперь о некоторых социальных трендах современности. На один мы уже указали: бурно развиваются технологии, в том числе и такие, которые позволяют использовать сложившиеся в модерне социальные структуры не по назначению, по сути, в эгоистических целях различных сообществ или даже отдельных личностей. Второй тренд – кризис основных схем и когерентных (то есть общих для многих людей) представлений модерна. В частности, девальвируется право, снижается значение предельных онтологий природы и личности, зато все больше возрастает понимание роли человеческой деятельности и активности как источника многих проблем и вызовов современности. Третий тренд – формирование на основе Интернета и мобильной связи сетевых сообществ, для которых пространство уже не имеет значения. Четвертый – формирование метакультур, включающих в качестве своих составляющих национальные культуры и государства (например, Общий рынок или США с ориентирующимися на него странами, или Китай и др.). Важным социальным трендом выступает конвергенция двух типов социальных систем – капитализма и социализма. Практически все государства постепенно превращаются в гибридные в том отношении, что, с одной стороны, они развивают рынок и капиталистическое производство, с другой – все больше переходят к централизованному управлению и распределению национального продукта

(от работающих к частично работающим и вообще неработающим, от успешных в конкурентном отношении к менее успешным). Если раньше крен в социализм для капиталистических государств был характерен только в периоды мировых войн, то в настоящее время он дает о себе знать и в период пандемий. Если предположить, что пандемии будут умножаться, на это указывает многое, то не ускорится ли в этом случае процесс конвергенции? Еще один тренд – становление новой морали и видения, отрицающие трудовые и этические принципы модерна. Вместо них провозглашаются достаточно необычные, например, «возможность жить, не работая вообще», поскольку небольшая часть общества, опираясь на современные технологии и робототехнику, в состоянии прокормить всех остальных, или «правильно заставлять богатых и работающих делиться с другими плодами своего труда», или «справедливо не то, что соответствует праву и вкладу личности, а балансу, установленному в борьбе заинтересованных субъектов» и пр. Ну и как общее место: в среде думающих людей все больше крепнет убеждение, что наша цивилизация быстро идет к своей гибели, что мы живем в безумном мире.

Некоторые особенности проекта социальности посткультуры

Если реализовать опыт проектирования модерна применительно к посткультуре, то вроде бы можно предложить следующий сценарий. Целое в данном случае предполагает работу в двух направлениях. Во-первых, необходима критика и деконструкция некоторых социальных структур модерна. Но не по образцу реформ в СССР, когда опытные в конкурентной борьбе капиталистические страны, быстро демонтировали нашу промышленность и вменили российской власти нужные для себя ценности и сценарии. Необходимо прежде всего критика тех технологий и способов жизни, которые влекут за собой негативные последствия и ставят жизнь человека на грань уничтожения. Во-вторых, в качестве новых идей, задающих целое, могут выступать задачи сохранения жизни на Земле, смена таких ценностей модерна, как комфорт, успех, власть, деньги, победа над природой, ничем не ограниченное любопытство и экспериментаторство на ценности посткультуры – здоровье, жизнь в ладу с самим собой, диалог с природой и уважение ее, помощь и защита со стороны общества, справедливость, но не односторонняя, а установленная в диалоге и общении с другими, примирение со смертью и биологическими ограничениями, работа в отношении себя, признание разных форм жизни и социализации, ограничение опасных экспериментов и направлений развития.

Вряд ли на среднем уровне можно отказаться от государства, общества и права, хотя в последнее время они разочаровали многих. Вероятно, с одной стороны, требуется заново продумывать новые противовесы и издержки, учитывающие и блокирующие паразитные социальные технологии, и с другой – развивать новые социальные структуры и инструменты, позволяющие обходиться без этих трех китов. Пример последних – управление и работы, основанные на горизонтальных связях, частные виды производств и обслуживания, принятие решений в обход больших социальных машин. В связи с этим на среднем уровне будут формироваться и новые социальные структуры.

На нижнем уровне стоит задача пересмотра сценария индивидуальной жизни, когда мы живем как бессмертные существа или, наоборот, пытаемся взять от жизни как можно больше, поскольку все равно умрем. В этот сценарий, вероятно, должно входить понимание нашей кентаврической природы, как биологического и социального существа, признание нашей зависимости от других и одновременно автономии нашей личности, убеждение в необходимости продумывать и сознательно строить свою жизнь, участие в коллективной работе по сохранению жизни на Земле.

В какой степени при этом можно использовать системный подход в варианте Канта, или Бергаланфи, или Богданова, или Щедровицкого, или западных теоретиков системного подхода? Думаю, здесь важно развести две вещи: общий замысел системного подхода, намеченный еще, как я старался показать, Кантом, и конкретное предметное

воплощение его в том или другом варианте системного подхода. Общий замысел и форма языка безусловно сохраняются и в данном случае, поскольку речь идет об общей логике строительства нового социального объекта (социальности). Его проект предполагает как различение указанных трех уровней, так и зависимость анализа от синтеза, идею задания целого, необходимость согласования (взаимной обусловленности) всех построений, особый системный язык и понятия.

Но в плане построения конкретного варианта системного подхода я принимаю концепцию своего учителя Г.П. Щедровицкого, который утверждал, что системный подход должен разрабатываться вместе и в лоне методологии. «Главная идея нашего предложения, – пишет Щедровицкий, – состоит в том, чтобы объединить разработку системного подхода с разработкой новых приемов и способов мышления, которые мы называем “методологическими”... специфика системного подхода может быть определена только при описании структуры и форм организации методологической работы, ибо, по нашему убеждению, системный подход существует только как подразделение и особая организованность методологии и методологического подхода» [Щедровицкий 1995, 94, 101–102].

Деятельность, которая была предметом разработок и изучения в «Московском методологическом кружке», выступает посредником между методологией в варианте Щедровицкого и «системным языком». Если предметом познания или конституирования выступает сложное явление (деятельность, техника, социальность и пр.), представленное в форме многих знаний и предметов, то создание концепции, теории или проекта этого явления предполагает использование именно системного языка и дискурса, в рамках которых осуществляется синтез и конфигурирование. Напрашивается гипотеза, что это неслучайно, что во всех подобных случаях необходимо создавать посредника. Не является ли, например, у Канта таким посредником понятие «разум», в семиотике – понятие «коммуникация», в теории М. Бахтина – понятие «диалог», в концепции А. Богданова – понятие «организация»? Вероятно, посредники позволяют переходить от характеристик сложной предметности к очень непохожим на них характеристикам системного языка.

Еще одна гипотеза: гуманитарным вариантом системного подхода выступает предложенный мною «соотносительный и топический анализ» [Розин 2016, 12–29]. Соотносительный анализ представляет собой совместное описание взаимосвязанных сторон и аспектов сложного явления. Эти стороны, названные мною «топами», как правило, не даны заранее, они выявляются в самом исследовании. Например, анализируя технику, я выделил такие топы, как «генезис техники», в котором, в свою очередь, различил три этапа (техника как магия, как инженерия и как технология), техника как «артефакты», как «опосредование», то есть средство, позволяющее реализовать замысел, техника как «синергия действия процессов природы и деятельности человека», техника как «концептуализация» (то, как техника понимается в культуре и каким образом объясняются ее эффекты и действие) [Розин 2006, 73–162]. Принципиально, что, с одной стороны, каждый из указанных топов можно было рассмотреть как самостоятельную реальность, а с другой – я при анализе одних топов учитывал другие. Поскольку топы принадлежат одному целому, то они как-то связаны между собой, однако каким образом связаны, мы не знаем. Поэтому топы необходимо задавать как самостоятельные образования, но так, чтобы удерживалась их связь с целым и между собой. Для этого приходится выяснять условия мыслимости одних топов относительно других, а также относительно целого.

Если принять эти положения, то системный подход для проекта социальности посткультуры должен помимо рассмотренной здесь общей стратегии системного мышления содержать слой описания социальности в языке социальных наук (но обновленных в рамках методологии; эту задачу я решал в ряде своих исследований последних лет [Розин 2013; Розин 2016^a; Розин 2019]), и, кроме того, предполагаю, что для изучения и проектирования социальности предпочтителен гуманитарный вариант системного подхода.

Источники – Primary Sources in Russian Translation

- Августин 1992 – *Августин Аврелий*. Исповедь. М., 1992 (Aurelius Augustinus, *Confessiones*, Russian Translation).
- Кант 1964 – *Кант И.* Критика чистого разума. Т. 3. М.: Мысль, 1964 (Kant, Immanuel, *Kritik der reinen Vernunft*, Russian Translation).
- Кондильяк 1935 – *Кондильяк Э.Б.* Трактат о системах. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1935 (Condillac, Étienne Bonnot de, *Traité des Systèmes*, Russian Translation).

Ссылки – References in Russian

- Агамбен 2020 – *Агамбен Дж.* О дискурсе чрезвычайного положения // Каким мир станет после пандемии: прогнозы современных философов. Сноб. 17 апр. 2020.
- Жижек 2020 – *Жижек С.* О панике, виртуальной антиутопии и сознательном отношении к природе // Каким мир станет после пандемии: прогнозы современных философов. Сноб. 17 апр. 2020.
- Малинецкий 2020 – *Малинецкий Г.* «Должен возникнуть новый порядок, вирус стал дымовой завесой» БИЗНЕС Online 22 апр. <https://www.business-gazeta.ru/article/465593?fbclid=IwAR1JGx5UgFIC734jNyweQ7N2Db9U8Pqy6OBYMO2uk-WYOmMcTtlvRN2fLdA>
- Огурцов 1993 – *Огурцов А.П.* Философия науки эпохи Просвещения. М.: ИФ РАН, 1993.
- Розин 2006 – *Розин В.М.* Понятие и современные концепции техники. М.: ИФ РАН, 2006.
- Розин 2013 – *Розин В.М.* Становление и особенности социальных институтов: Культурно-исторический и методологический анализ. М.: ЛИБРОКОМ, 2013.
- Розин 2016 – *Розин В.М.* Техника и технология: от каменных орудий до Интернета и роботов. Йошкар-Ола: ПТГУ, 2016.
- Розин 2016* – *Розин В.М.* Природа социальности: Проблемы методологии и онтологии социальных наук. М.: ЛЕНАНД, 2016.
- Розин 2017 – *Розин В.М.* Природа: Понятие и этапы развития в европейской культуре. М.: ЛЕНАНД, 2017.
- Розин 2018 – *Розин В.М.* Проектирование и программирование: Методологическое исследование. Замысел. Разработка, Реализация. Исторический и социальный контексты. М.: ЛЕНАНД, 2018.
- Розин 2019 – *Розин В.М.* Становление и развитие европейской социальности: Этюды-исследования. Кн. 1. Древний мир и Средние века. М.: ЛЕНАНД, 2019.
- Розин 2020 – *Розин В.М.* Пандемия как «тест на беременность» и предвестник социальных изменений? // Право и политика. 2020 (в печати).
- Щедровицкий 1995 – *Щедровицкий Г.П.* Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок // Избранные труды. М.: Школа Культ. Политики, 1995.

References

- Agamben, Giorgio (2020) “On the discourse of the state of emergency” in “What the world will become after a pandemic: forecasts of modern philosophers”, *Snob*, Apr. 17, 2020 (in Russian).
- Žižek, Slavoj (2020) “About panic, virtual dystopia and a conscious attitude to nature” in “What the world will become after a pandemic: forecasts of modern philosophers”, *Snob*, Apr. 17 2020 (in Russian).
- Malineckij, Georgy G. (2020) *A New Order Must Come, the Virus Has Become a Smoke Curtain* <https://www.business-gazeta.ru/article/465593?fbclid=IwAR1JGx5UgFIC734jNyweQ7N2Db9U8Pqy6OBYMO2uk-WYOmMcTtlvRN2fLdA> (in Russian).
- Ogurtsov, Alexander P. (1993) *The philosophy of science of the Enlightenment*, IF RAS, Moscow (in Russian).
- Rozin, Vadim M. (2006) *Concept and modern technology concepts*, IF RAS, Moscow (in Russian).
- Rozin, Vadim M. (2013) *Formation and features of social institutions: Cultural-historical and methodological analysis*, LIBROCOM, Moscow (in Russian).
- Rozin, Vadim M. (2016) *Technique and technology: from stone tools to the Internet and robots*, ed. PTU, Yoshkar-Ola (in Russian).
- Rozin, Vadim M. (2016*) *The nature of sociality: Problems of the methodology and ontology of the social sciences*, LENAND, Moscow (in Russian).
- Rozin, Vadim M. (2017) *Nature: Concept and stages of development in European culture*, LENAND, Moscow (in Russian).
- Rozin, Vadim M. (2018) *Design and programming: Methodological research. The idea. Development, implementation. Historical and social contexts*, LENAND, Moscow (in Russian).

Rozin, Vadim M. (2019) *The Formation and Development of European Sociality: Studies-Studies. Prince I. The ancient world and the Middle Ages*, LENAND, Moscow (in Russian).

Rozin, Vadim M. (2020) 'Pandemic as a "pregnancy test" and a harbinger of social change?', *Law and politics* (in press), (in Russian).

Shchedrovickij Georgy P. (1995) "Principles and general scheme of the methodological organization of systemic structural research and development", Shchedrovickij Georgy P., *Selected Works*, School Cult. Politicians, Moscow (in Russian).

Сведения об авторе

РОЗИН Вадим Маркович –
доктор философских наук,
главный научный сотрудник
Института философии РАН.

Author's Information

ROZIN Vadim M. –
DSc in Philosophy, Chief Researcher
at the Institute of Philosophy
of the Russian Academy of Sciences.